

О функционировании несобственно-прямой речи в межкультурном аспекте

А.В. Клочков

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел

В статье рассматривается проблематика, связанная с функционированием несобственно-прямой речи в межкультурном аспекте. Выявляются и анализируются маркеры оригинального текста, которые определяют создание в тексте перевода НПР. Выявляются и описываются закономерности перевода на примере двух целевых языков.

Ключевые слова: *несобственно-прямая речь, рассказчик, ауториальный рассказчик, повествовательная перспектива, чужая речь.*

Данная статья посвящена изучению функционирования несобственно-прямой речи в межкультурном аспекте. Цель исследования заключалась в выявлении и анализе характера расхождений оригинального художественного произведения и его переводов на разные языки в рамках данной проблематики. В отличие от многочисленных исследований, касающихся референциальной, т.е. содержательной стороны произведения, данная работа ориентирована на прагматический аспект художественной коммуникации, что связано с категорией «образа автора». В целях данного исследования был проведен сопоставительный контрастивный лингвостилистический анализ, в основу которого положена прагматическая эквивалентность. Т.е. речь пойдет не о том, что говорится в произведении, а о том, как сообщается о предмете речи, что связано с воздействием произведения на читателя. При этом внимание сфокусировано на отдельных аспектах реализации категории «образа автора», а именно на таком явлении как несобственно-прямая речь (далее НПР).

НПР как явление достаточно хорошо известно и описано как в отечественной, так и зарубежной литературе [2; 3; 4; 5; 9; 12; 13; 15; 17; 21] и др. Что же касается исследований несобственно-прямой речи в переводе, то есть ряд работ в которых затрагиваются различные стороны описываемого явления [1; 7; 18; 22] и др, но тем не менее представляется, что эта проблематика остается весьма актуальной, учитывая необходимость изучения данного явления не только в разных языках, но и принимая во внимание различные языковые пары и конвенциональные особенности перевода художественных произведений на конкретный язык, литературную традицию, сформированную в целевой культуре.

Обобщая описанные признаки НПР, можно сделать вывод о том, что в настоящее время несобственно-прямая речь чаще всего описывается как представление о произнесенном или реализованном через внутреннюю речь высказывании персонажа прежде всего в 3-м лице, которое не вводится глаголами говорения (*verbum dicendi*), и которое представляет собой своеобразную контаминацию косвенной и прямой речи. Кроме того, НПР может выделяться на фоне повествования рассказчика иным синтаксическим рисунком, характерным для персонажа эмоционально-оценочным, устно-разговорным характером речи, который проявляется как на синтаксическом, так и на лексическом уровнях.

Материалом для настоящего исследования послужил роман Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», а также его переводы на немецкий и русский языки.

В качестве повествовательной инстанции в этом романе выступает аукториальный повествователь. Это всезнающий и вездесущий повествователь, который способен свободно перемещаться по фиктивному миру. Он может проникать в мысли и чувства персонажей, ср.:

«'Sam!' cried Frodo, feeling that amazement could go no further, and quite unable to decide whether he felt angry, amused, relieved, or merely foolish» [20].

Знает то, что не могут знать персонажи, ср.:

«Sam waved his arm vaguely: neither he nor any of them knew how far it was to the Sea, past the old towers beyond the western borders of the Shire» [20].

Может настолько «возвышаться» над миром повествования, что оказывается как бы вне фабульного времени и пространства, ср.:

«Then through all the years that followed he traced the Ring; but since that history is elsewhere recounted, even as Elrond himself set it down in his books of lore, it is not here recalled» [20].

Или, наоборот, может переместиться и оказаться среди участников повествования, замедляя течение фабульного времени, ср.:

«A heavy silence fell in the room» [20].

И таким образом выступать в роли не рассказчика, а наблюдателя, ср.:

«Little fingers of fire licked against the dry scored rind of the ancient tree and scorched it» [20].

Он может иногда представлять события глазами персонажа, например в виде НПР, ср.:

«He did not tell Gandalf, but as he was speaking a great desire to follow Bilbo flamed up in his heart – to follow Bilbo, and even perhaps to find him again» [20].

Но, тем не менее, в произведении доминирует рассказчик со свойственной ему нейтральной, размеренной манерой повествования, особенно четко рассказчик, как повествовательная инстанция, чувствуется в следующем примере, ср.:

«Even in ancient days they were, as a rule, shy of ‘the Big Folk’, as they call us, and now they avoid us with dismay and are becoming hard to find» [20].

НПР в тексте перевода может создаваться переводчиком, усиливаться, и наоборот, ослабляться или вовсе стираться. В нашем случае отмечено большое количество примеров, когда в оригинале изложение строится через повествовательную перспективу рассказчика, т.е. НПР в оригинале отсутствует, в переводе на немецкий язык такой план сохраняется, а в переводе на русский язык ситуация передается через призму восприятия событий персонажем, т.е. создается НПР.

Такие случаи часто имеют место, когда в оригинале описываются мысли или чувства персонажа. При этом своеобразным маркером, указывающим на возможное создание НПР в переводе, является использование глаголов чувственного восприятия или мыслительной деятельности [7], а также междометий и дейктических частиц [22]. Особо необходимо отметить, что перевод на немецкий язык обладает в целом более высоким уровнем эквивалентности в сравнении с оригиналом, в то время как в переводе на русский язык создаются конструкции НПР. При трансформации такого оригинального контекста в НПР в переводе на русский язык используемые рассказчиком для передачи мыслей и чувств глаголы, как правило, опускаются. Синтаксическая структура НПР часто выделяется своей экспрессивностью (эллиптичность, порядок слов и т.д.) на фоне характерного для манеры рассказчика размеренного повествования. Кроме того, конструкции НПР часто имеют восклицательный или вопросительный характер, придавая ей еще больший эмоционально-оценочный характер [15].

Например:

«There he lay for a while, fighting with despair. His head swam, but from the heat in his body he guessed that he had been given another draught» [20].

«Dort lag er eine Weile und kämpfte mit der Verzweiflung. Ihm war schwindlig, aber nach der Hitze seines Körpers vermutete er, daß ihm wieder ein Trunk eingeflößt worden war»[19].

«Пин лежал пластом, из последних сил отгоняя мертвящее отчаяние. В голове мутилось, в теле бродил жар: верно, опять поили снадобьем» [11].

Оригинальный отрывок начинается с того, что рассказчик сообщает о том, в каком положении пребывал персонаж (лежал некоторое время), а затем о том, что он чувствует (боролся с отчаянием и головокружением), и далее глаголом мыслительной деятельности ‘guess’ осуществляется переход к мыслям героя, а именно к

предположению, что его чем-то напоили. Все содержание отрывка представлено через перспективу аукториального рассказчика.

В немецкоязычном варианте повествовательная перспектива рассказчика сохраняется, переданы также и глагол мыслительной деятельности со значением предположения 'vermuten' и местоимение, относящееся к персонажу. Переводчик выбирает эквивалентную структуру придаточного предложения 'vermutete er, daß', которая повторяет оригинал 'he guessed that'.

Придаточное изъяснительное, через которое строится описание ситуации в оригинале и переводе на немецкий, в русскоязычном переводе подвергается своеобразной глубинной трансформации, меняется способ описания ситуации. Так, в переводе на русский язык местоимение, обозначающее персонажа, опускается и эпизод представлен непосредственно через призму восприятия персонажа, переход к НПР осуществляется с помощью двоеточия и вводного слова 'верно', которое было бы несвойственно аукториальному повествователю.

Еще один схожий пример:

«At that moment Pippin saw why some of the troop had been pointing eastward» [20].

«In diesem Augenblick sah Pippin, warum einige aus der Schar nach Osten gezeigt hatten» [19].

«Пиппин обернулся: почему это иные урукхайцы указывали на юг?» [11].

В оригинале и переводе на немецкий используются утвердительные предложения, в них рассказчик констатирует, что один из персонажей вдруг понимает, почему участники событий посмотрели в определенную сторону. В переводе на русский передается скорее удивление, которое в виде риторического вопроса реализуется через НПР. Особенно явно смену перспективы рассказчика на перспективу персонажа отражает частица «это», придавая удивлению непринужденный характер. Как и в предыдущем примере используется двоеточие. Стоит отметить, что в данном случае при передаче глагола 'to see' используется контекстуальная замена на глагол 'обернуться', который предполагает чувственное восприятие и частично компенсирует опущение элемента внезапности, выраженное выражением 'at the moment'.

В следующем примере рассказчик описывает местоположение героев произведения и затем констатирует то, что думают и что ощущают в персонажи, проделав долгий путь. Формальным маркером здесь выступает глагол восприятия 'to seem', а в немецком 'scheinen'. В русскоязычном переводе опускается как сам глагол, так и местоимение, обозначающее действующих лиц, что способствует созданию эффекта непосредственного восприятия событий персонажами и описания ситуации их глазами, на что указывает дейктическая частичка «вон», а

также имитация синтаксиса устно-разговорной речи с обособлением глагола 'оказывается'. В довершение создания НПП предложение имеет восклицательный характер, еще один признак эмоционально-экспрессивного характера НПП.

«They rode across and looked northwards. Then their hearts rose; for it seemed plain that they had come further already than they had expected» [20].

«Sie ritten hindurch und schauten nach Norden. Dann wurde ihnen leicht ums Herz, denn es schien klar, daß sie schon weiter gekommen waren, als sie erwartet hatten» [19].

«Они подъехали к закраине и глянули на север – вон, оказывается, сколько проехали!» [11].

Еще один пример, в котором отражается обнаруженная тенденция. В оригинале повествователь описывает степень голода одного из персонажей, что подчеркивается синонимами 'hungry' и разговорным 'famished' [16]. Завершается отрывок предложением с глаголом мыслительной деятельности 'guess'. В переводе на немецкий язык структура оригинала сохраняется, повествователь описывает состояние героя однокоренными словами, передающими степень изможденности героя, но 'ausgehungert' не имеет пометы разговорного характера. Глагол мыслительной деятельности 'guess' передается с помощью соответствия 'raten'. В переводе на русский язык описание ощущений строится через призму восприятия героя. О НПП свидетельствуют выделяемое пунктуационно и, следовательно, интонационно вводное слово 'конечно', фразеологизм разговорного характера 'с голоду сапог съесть', междометие 'же' и усилительная частица 'даже' в последующем рассуждении героя.

«He ate the stale grey bread hungrily, but not the meat. He was famished but not yet so famished as to eat flesh flung to him by an Orc, the flesh of he dared not guess what creature» [20].

«Heißhungrig aß er das altbackene, graue Brot, aber nicht das Fleisch. Er war ausgehungert, aber doch nicht so ausgehungert, um Fleisch zu essen, das ihm ein Ork zugeworfen hatte, Fleisch von welchem Lebewesen wagte er nicht zu raten» [19].

«Тронутый плесенью черствый ломоть Пин жадно сглодал, но к мясу не прикоснулся. Он, конечно, с голоду и сапог бы съел, но нельзя же брать мясо у орка, страшно даже подумать, чье оно» [11].

Есть и случаи создания НПП, которые в отличие от вышеописанных примеров не мотивированы контекстом, связанным с проникновением повествователя в чувственно-мыслительный план персонажа.

Например:

«This way was not much used, being hardly fit for carts, and there was little traffic to the Woody End» [20].

«Sie wurde nicht viel benutzt, da sie für Karren kaum geeignet war, und es gab nicht viel Verkehr zum Waldende» [19].

«Покамест они не встретили ни одной живой души – в Лесной Угол мало кто ездил, да и зачем?» [11].

В этом примере характеризуется местность, в которой нечасто можно встретить путника. В немецкоязычном переводе такая безоценочная характеристика сохраняется. А в переводе на русский язык появляется отрывок рассуждения, оформленный в виде НПП, который начинается с присоединительной конструкции и имеет форму риторического вопроса ‘да и зачем?’. При этом следует отметить, что оригинал и немецкоязычный вариант в целом обладают большей степенью семантико-структурного подобия, чем оригинал и перевод на русский язык.

Еще одной тенденцией в переводе на русский, о которой кратко следует упомянуть, является усиление НПП, содержащейся в оригинале.

«Pippin roused a good deal of laughter with an account of the collapse of the roof of the Town Hole in Michel Delving: Will Whitfoot, the Mayor, and the fattest hobbit in the Westfarthing, had been buried in chalk, and came out like a floured dumpling» [20].

«Pippin erregte viel Heiterkeit mit einem Bericht darüber, wie das Dach der Stadthöhle in Michelbinge einstürzte: Willi Weißfuß, der Bürgermeister und fetteste Hobbit im Westviertel, war unter Kalk begraben worden und kam heraus wie ein bemehlter Kloß» [19].

«...особенно Пип – за каждой его фразой следовал взрыв хохота. Последняя, самая смешная новость была про то, как в Землеройске рухнула крыша Ратушной Норы, и не кто-нибудь, а сам голова Вил Топопан еле успел выскочить, с головы до ног обсыпанный известкой, что твой пончик сахарной пудрой» [11].

В данном отрывке пересказывается смешная история, которая произошла на родине героев. Рассказчик сообщает о том, что одному из героев удалось рассмешить этой историей собравшихся слушателей. После такого вступления, которое заканчивается двоеточием ‘...collapse of the roof of the Town Hole in Michel Delving:...’ начинается собственно пересказ этой истории. В нем голоса рассказчика и героя сливаются настолько, что становятся практически неразличимыми. Только использование яркого образного сравнения в конце подтверждает мысль о чужой речи.

В немецкоязычном варианте перевода рассказчик также подводит к пересказу истории. Передается она сходим образом, однозначно сказать, чья перспектива лежит в основе изложения истории довольно сложно. Единственным существенным отличием является замена образного сравнения ‘like a floured dumpling’ на ‘ein bemehlter Kloß’, которую можно объяснить особенностями национально-культурной адаптации.

В переводе на русский язык пересказ истории осуществлен в виде ярко выраженной НПП. Перспектива персонажа отчетливо

прослеживается в использовании добавления ‘...и не кто-нибудь, а сам голова...’ а также в сравнении ‘... что твой пончик сахарной пудрой’, в котором содержится указание на адресованную кому-то из слушателей произнесенную речь.

Представленные здесь проанализированные отрывки есть только малая часть примеров, выявленных в рамках сопоставительного анализа англоязычного оригинала, его немецкоязычного и русскоязычного переводов.

В подавляющем большинстве примеров перевод на немецкий язык воспроизводит изложение оригинала и обладает значительным уровнем эквивалентности. Отдельные трансформации обусловлены скорее необходимостью обеспечения узуальности в переводе. В переводе сохраняется доминирующая перспектива аукториального рассказчика, глаголы чувственного восприятия и мыслительной деятельности, как маркеры перехода к мыслям и чувствам персонажа, синтаксический рисунок размеренного эпического повествования.

В переводе на русский язык обнаруживается тенденция к созданию или усилению несобственно-прямой речи. Это характерно не только для данного конкретного произведения [8]. При этом глаголы чувственного восприятия и мыслительной деятельности, сигнализирующие о переходе к изложению с элементами чужой речи персонажа, опускаются. Такое описание ситуации, непосредственно воспринимаемой персонажем, придает переводу большую динамичность в сравнении с оригиналом.

НПР, как правило, контрастирует с повествованием рассказчика, обладая иным синтаксическим рисунком, характерным для персонажа эмоционально-оценочным, устно-разговорным характером изложения, как на синтаксическом, так и на лексическом уровнях.

Такое значительное количество примеров свидетельствует о стратегии переводчика, которая отражает конвенциональную особенность перевода художественных текстов с английского на русский язык, учитывающую особенности целевой аудитории перевода и литературную традицию

В целом, необходимо отметить, что создание в тексте перевода НПР делает повествование стилистически более разнообразным, ярким и придает повествованию более динамичный, «живой» характер.

Список литературы

1. Алимova А.Д. Закономерные соответствия структур несобственно-прямой речи при переводе в языковой паре «английский – русский»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / МГЛУ, М., 2023. 29 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.

4. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
5. Гончарова Е.А, Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. Пособие. М.: Высшая школа, 2005. 368 с.
6. Горшков А.И. Русская стилистика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Астрель: АСТ, 2001. 367с.
7. Жилина И.С. Структурно-семантические особенности несобственно-прямой речи и проблемы ее перевода: на материале художественных текстов XX века английского, немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Военный университет МО РФ, М., 2015. 22 с.
8. Ключков А. В. Об одной конвенциональной особенности переводов с английского языка на русский // Научные исследования современных учёных: сборник материалов XXIII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, в 2 т. Москва: Издательство НИЦ «Империя», 2024. С. 31–34.
9. Сысоева В.В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Белгород. гос. ун-т. Белгород, 2004. 22 с..
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс [и др.], 2009. 1359 с.
11. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец: Трилогия. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во Яуза, 2002. 992 с.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Яз. славян. культуры, 2003. 312 с.
13. Eckardt, R. The Semantics of Free Indirect Discourse. How Texts Allow to Mind-read and Eavesdrop. Leiden: Brill, 2014. 31. 283 p.
14. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 5., überarbeitete Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. Dudenverlag, 2003. S. 1892
15. Holler A. Alles eine Frage der Perspektive – Zur sogenannten erlebten Rede im narrativen Text. Zeitschrift für germanistische Linguistik. 47, 2019. S. 28–69. 10.1515/zgl-2019-0002.
16. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Sixth Edition. Oxford University Press, 2004. 1540 p.
17. Kurt S. Erlebte Rede aus linguistischer Sicht: der Ausdruck von Temporalität im Französischen und Russischen : ein Übersetzungsvergleich. Slavica Helvetica. Bd. 64. Bern Berlin Frankfurt a.M. Wien [u.a.]: Lang, 1999. 661 S.
18. Socka A. Erlebte Rede: Einige Probleme der Übersetzung (Deutsch-Polnisch) XXVI „Studia Linguistica”, 2008. S. 147–168
19. Tolkien J.R.R.. Der Herr der Ringe. 3 Bände. Stuttgart. Klett-Cotta, 1999. 491, 406 und 360 S.
20. Tolkien J.R.R.. The Lord of the Rings. London HarperCollinsPublishers, 2010. 1210 p.
21. Vogt J. Aspekte erzählender Prosa: eine Einführung in Erzähltechnik und Romantheorie. 8., durchges. und aktualis. Aufl. Oplanden: Westd. Verlag, 1998. WV-Studium: Bd. 145. 272 S.
22. Zhou X.. Erlebte Rede in der literarischen Übersetzung – am Beispiel von Robert Musil, Franz Kafka und Lu Xun. Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 2021. 234 S.

Об авторе:

КЛОЧКОВ Алексей Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95); e-mail: klochkov.a_new@mail.ru

On the use of free indirect speech in interlingual aspect

A.V. Klochkov

Orel State University named after I.V. Turgenev, Orel

The article deals with free indirect speech and its use in the interlingual aspect. The markers of the original text, which predetermine the appearance of free indirect speech in translation, are identified and analyzed. The regularities of translation on the example of two target languages are revealed and described.

Keywords: *free indirect speech, narrator, auctorial narrator, narrative perspective, character voice.*

About the author:

KLOCHKOV Alexey Valeryevich – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the German Language Chair, Orel State University named after I.S. Turgenev (302026, Orel, Komsomolskaya st., 95); e-mail: klochkov.a_new@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.03.25

Подписана в печать 23.03.25